

understanding of society formation, proposed by Aristotle, and defines basic conditions and causes of the polis pattern of society construction.

Keywords: *society, whole and parts, polis, Aristotle, social discourses*

ЧЕРНЯХОВСКАЯ Юлия Сергеевна — к.полит.н., заведующий сектором политической культуры НОЦ «Высшая школа политической культуры» Московского государственного института культуры (141406, Россия, Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., 7)

ФУТУРОЛОГИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ФАНТАСТИКА КАК ФОРМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БУДУЩЕГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА

Аннотация. *Общая традиция, связанная во многом с переходом от утопического к научному осознанию перспектив развития общества, вполне обоснованно подвергала утопическое сознание критике. Вопрос заключается в том, имеем ли мы дело с утопическим сознанием в условиях, когда оно помогает раскрыть новые горизонты или когда начинает тормозить возможности осмысления политической реальности с научных позиций. Критика утопии может также осуществляться с позиций неприятия предлагаемого ею осознания, что мир может быть лучше, чем он есть сейчас, или с позиций перехода от сугубо романтического представления о будущем к научно-рациональному. Соответственно, речь идет не о том, чтобы как-то «вознести» утопию, а в том, чтобы показать ее значение как формы политической мысли, которая в определенных условиях может быть уместной и серьезной.*

Ключевые слова: *утопия, футурология, философия будущего, прогнозирование, общество потребления, общество познания, технооптимизм, технопессимизм*

В отличие от ситуации перехода от аграрной эпохи к эпохе индустриального общества, к тому моменту, когда встал вопрос об исчерпании идеи Утопии, политическая мысль общества имела возможность опираться и на значительный научный багаж, в т.ч. на оформляющуюся политическую науку, и попытаться ответить на запрос об осмыслении приближающегося нового состояния общества с научных позиций, используя появившийся опыт научного прогнозирования¹.

Введение фантастики в контекст форм политической мысли требует осмысления ее соотношения с другими близкими формами — утопией и антиутопией, футурологией, прогностикой и т.п.

И.В. Бестужев-Лада писал, что «исследование будущего» — это проводимое по законам научного поиска исследование перспектив наблюдаемых процессов. Он выделяет два значения термина «предвидение»: предугадывание и научное исследование перспектив развития процесса или явления, что, собственно, и является задачей футурологии. Он выделяет предсказание событий и выявление назревающих проблем и возможностей их решения и называет его принципы

¹ К работам «ранней футурологии» можно отнести «Предвиденья о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль» Г. Уэллса (1901), «Будущее Земли и человечества» К.Э. Циолковского (1928), «Предвидимое будущее» Дж. Томсона (1955). Ко 2-й четверти XX в. относится развитие технологического прогнозирования: работы В.А. Базарова-Руднева, Дж. Бернала, Н. Винера, Р. Юнгка. В серии статей (1924—1928 гг.) В. Базаров предлагал путь перехода от «размышлений о будущем» к его исследованию: проблемно-целевой подход, названный им генетическо-телеологическим, который впоследствии лег в основу научного прогнозирования.

[Бестужев-Лада 2000: 24-25]. В.В. Кузин, наряду с наукой о прошлом, выделяет группу наук, занимающихся будущим, — прогнозирование [Кузин 2000: 5]¹.

М.С. Кальней доказывает, что в анализе соотношения утопии и прогнозирования можно выделить разные этапы и традиции. В рамках первой, классической, как уже говорилось, традиции речь идет о дихотомии, противопоставлении утопии как неистинного, иллюзорного знания социальному прогнозу как целостному и сущностному отражению социального целого. Онтологически утопия противопоставляется прогнозу как «неосуществимая теория» — с необходимостью осуществляемой социальной теории.

Неклассическая модель рассматривает оба явления как средство саморегуляции социальной системы, возможные гносеологические модели ее развития: прогноз — как вид социальной статики, утопию — как вид социальной динамики.

Третья, постнеклассическая модель рассматривает обе формы политической мысли как гипотетико-конструктивный вид знания: социальный прогноз — как идеализированную гносеологическую схему, утопию — как один из вариантов социального развития: и то и другое выступает как средство социальной и политической самоорганизации — при способности к высокой самооборачиваемости.

Развивая это положение, можно сказать, что прогноз носит характер своего рода инерционного сценария, утопия предлагает описание целей, в направлении которых можно направить развитие событий, рисует картину реализации базовых политических идеалов, зарождающихся в обществе.

Одновременно нужно иметь в виду, что, когда речь идет о будущем, тем более достаточно отдаленном, вполне рационально-измеряемыми, точными методами исследовать его вряд ли возможно. При размышлении о будущем, тем более отдаленном, мы неизбежно покидаем вполне твердую почву строго доказуемых выводов и вынуждены иметь дело как с гипотезами высокой степени вариативности, так и с интуитивными построениями и описанным Ортегой-и-Гассетом метафорическим научным инструментарием.

И значимую роль в этом процессе, как доказывает в своем диссертационном исследовании Т.В. Тимошенко, играет научная фантастика, как раз и породившая и футурологию, и прогностику [Тимошенко 2003: 114], ключевой функцией которой, как доказывается в исследовании Е.В. Цветкова, как раз «является функция научного предвидения» [Цветков 2009: 10, 134], которая представляет собой и одну из форм превращения политической мысли в политическую науку, и одну из форм политического знания.

Действительно, названный проблемно-целевой подход аналогичен аналитическому методу философской фантастики, авторы которой выявляют существующие тенденции, а затем проецируют их в отдаленную от современности реальность, доводя до максимума последствия современных проблем.

С другой стороны, научная фантастика, моделируя картины будущего на основании принципа непротиворечивости по отношению к данным существующей науки, в значительной степени может быть соотнесена с принятым в политическом прогнозировании методом сценариев. Посвятивший этой проблеме свое первое диссертационное исследование А.С. Ахременко определяет его как в основе своей гипотетическое пошаговое описание последовательности событий и этапов трансформации объекта прогнозирования [Ахременко 1999: 13].

И научная фантастика, и метод сценариев строят свои прогнозы на основании имеющихся научных данных и изначально не выходят за рамки научно допустимого. Однако они во многом идут от разных начальных точек: метод сценариев в первую очередь описывает не противоречащее научным данным развитие имею-

¹ К «наукам о будущем» В.В. Кузин так или иначе относит вообще все науки, кроме исторических.

щейся ситуации, научная фантастика делится, среди прочего, на два направления. Первое идет тем же путем, лишь художественно иллюстрируя сценарии развития имеющейся в наличии ситуации. Социальная научная фантастика рисует картины будущего состояния общества, исходя в первую очередь из приоритетно предпочитаемого (желаемого или не желаемого), но также не входящего в противоречие с научно допустимым. То есть, в первом случае мы имеем дело с описанием наиболее вероятных (обычно — пессимистического, оптимистического и реалистического) вариантов развития, во втором — с описанием того, что мы хотим получить в будущем или чего мы в нем опасаемся.

Возникнув в определенных условиях как моделирование альтернативы существующему миру и став началом социального конструирования, утопия стала оформленным началом такого явления политической мысли, как осмысление будущего. Сегодня мы можем говорить о нескольких формах этого осмысления, возникших в ходе развития политической мысли. К ним относятся, как минимум, утопия, антиутопия, футурология и прогнозирование. Нетрудно заметить, что две первые из них тяготеют скорее к формам художественно-политического моделирования, две вторые представляют попытку рационального исследования. В известном плане это близко, хотя не тождественно определенному противопоставлению «размышлений о будущем» и «исследований будущего», о котором писал И.С. Бестужев-Лада [Бестужев-Лада 2000: 10].

Говоря о различении первых двух образно-художественных форм, можно заметить, что их различие в общем отражало характер таких парных эстетических категорий, как «прекрасное» и «безобразное». Утопия рисует мир, где идея воплощена в действительность, вступила с ней в непосредственное единство, т.е. мир реализованного идеала, в т.ч. и базового политического идеала. Антиутопия рисует мир, противоречащий идеалу, являющийся его уничтожением.

В обоих случаях на первом плане находится не будущее и даже не размышление о будущем, а моделирование «иного», моделирование альтернативы настоящему. Другое дело, что, если создать образ альтернативного мира можно в настоящем, то реализация его в любом случае требует времени, т.е. может произойти лишь в будущем. Таким образом, сама утопия является началом будущего.

Футурология, напротив, начинается с «размышлений о будущем» и в своем развитии становится как осмыслением, так и его исследованием и прогнозированием.

То есть, утопия идет от образа альтернативного мира к созданию будущего. Футурология — от размышления о будущем к созданию его нового образа. В этом отношении прогнозирование, рассматривая возможные варианты развития сегодняшнего состояния, по сути скорее рассматривает сегодняшнее состояние мира как продолжающееся в будущем с теми или иными более или менее значимыми изменениями, но в принципе не обращается к теме реализации альтернативы.

В этом отношении научная фантастика выступает своего рода соединением различных форм осмысления будущего. Фантастика «ближнего прицела» повторяет подход прогнозирования — описывает вытекающие из возможностей сегодняшнего дня научно-технические открытия и их влияние на общество, в основном остающееся сегодняшним. Социальная научная фантастика, подобно утопии, включает в себя описание параметров мира, где утверждён базовый политический идеал, но рисует картину мира, основанного на представлениях современной науки (как точной и естественной, так и общественной) и не противоречащего им, т.е. выступает своеобразной формой политической мысли, соединяющей альтернативно-желаемое с научно обоснованным и гипотетически возможным.

В этом отношении можно говорить, что возникновение и развитие социальной научной фантастики означало в известном отношении «конец утопии», имея в виду понимание ее как несбыточного. В данном случае мы имеем дело как раз с тем аспектом, о котором Г. Маркузе писал в одноименной работе [Маркузе 2004]: «Когда проект социальных изменений противоречит действительным законам природы, только такой проект является утопическим в строгом смысле слова», — имея в виду, что все, что не противоречит законам природы, возможно для осуществления.

Научная фантастика, соединяя образы желаемой альтернативы с данными науки, заканчивала традицию утопии-несбыточности, но продолжала ее традицию как динамичной формы конструирования мира и его самоорганизации.

Делая предметом своей рефлексии вопросы политического и социального устройства, возможности реализации базовых политических идеалов, она в той или иной степени охватывает проблематику политической философии и приобретает присущие последней черты своего рода «политической философии будущего».

Данный термин предлагается в том значении, что если сама по себе политическая философия, как пишет М.М. Федорова, «есть поиск ответов на вопросы, связанные с основами человеческого общежития и институтами, созданными в рамках этого общежития», включая ответы на вопросы, «какое политическое устройство является наилучшим и справедливым, и можно ли вообще построить идеальное общество и идеальное государство» [Федорова 2001: 7]. В сугубо же академическом формате принято считать, что философия политики рефлексировует всеобщие основания и тенденции эволюции политического бытия, политического познания, политических ценностей, политического действия, осуществляет концептуальные анализ и осмысление природы власти, государства, суверенитета, базовых политических идеалов. То есть, мы можем сказать, что политическая философия будущего решает эти же задачи при обращении их в будущее, в плоскость стратегического прогнозирования.

На рубеже XX–XXI вв. реальный ход истории во многом опроверг сделанные треть века назад расчеты футурологов и показал, что инерционное развитие в рамках прежних социальных форматов вновь актуализирует тему политико-философской рефлексии проблем будущего. Актуализируется и вопрос не только о том, насколько можно решать проблемы цивилизации в рамках прежних приоритетов, но о том, какие черты можно считать приоритетными и необходимыми для цивилизации будущего. Среди работ, предпринимающих попытку такого ответа сегодня, можно назвать «Идеологию партии будущего» А.А. Зиновьева, «О необходимых чертах цивилизации будущего» Н.Н. Моисеева, «Глобальное политическое прогнозирование» А.С. Панарина [Зиновьев 2003; Моисеев 1997; Панарин 2002].

В известной степени в противоположность этому сугубо футурологическая традиция исследования будущего в своих способах достаточно давно свелась к выявлению назревающих проблем (поисковое, или эксплораторное прогнозирование) и возможных путей их решения (нормативное прогнозирование) [Кузин 2000: 5-6].

Список литературы

Ахременко А.С. 1999. *Сценарный метод прогнозирования политических процессов*: дис. ... к.полит.н.: 23.00.02. М. 153 с.

Бестужев-Лада И.В. Что мы знаем о XXI веке? И каким образом? — *Вперед! — XXI век*: антология современной классической прогностики. М.: Academia. 2000.

Зиновьев А.А. 2003. *Идеология партии будущего*. М.: Алгоритм. 240 с.

Кузин В.В. Футурология: триумф и трагедия. – *Впереди – XXI век*: антология современной классической прогностики. М.: Academia. 2000.

Маркузе Г. 2004. Конец утопии. – *Логос*. № 6(45). С. 18-23.

Моисеев Н.Н. 1997. О необходимых чертах цивилизации будущего. – *Наука и жизнь*. № 12.

Панарин А.С. 2002. *Глобальное политическое прогнозирование*. М.: Алгоритм. 352 с.

Тимошенко Т.В. 2003. *Научная фантастика как социокультурный феномен*: дис. ... к. филос.н.: 09.00.13. Ростов-н/Д. 142 с.

Федорова М.Н. 2001. *Классическая политическая философия*. М.: Весь Мир. 224 с.

Цветков Е.В. *Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности: социально-философские аспекты*: дис. ... к.филос.н.: 09.00.11. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 2009. 203 с.

CHERNYAKHOVSKAYA Yuliya Sergeevna, *Cand.Sci.(Pol.Sci.)*, Head of the Sector of Political Culture Research and Educational Center «The Higher School of Political Culture», Moscow State Institute of Culture (7 Bibliotechnaya St, Khimki, Moscow region, Russia, 141406)

PHILOSOPHICAL FUTUROLOGY AND SCIENCE FICTION AS FORMS OF EXPLORATION OF THE FUTURE OF SOCIETY AND ITS POLITICAL WORLD

Abstract. A common tradition associated in many ways with the transition from utopian to scientific understanding of the future prospects of the society development, rightly subjected utopian consciousness to criticism. The question is, whether this utopian consciousness helps to open new horizons, or it begins to slow ways of thinking about political reality from the scientific standpoint.

Exactly the same criticism of utopia can be carried out from the standpoint of rejection of the proposed awareness that the world could be better than now, or from the standpoint of the transition from the purely romantic view to the scientific and rational ones. Accordingly, the point is to demonstrate the value of Utopia as a form of political thought, which in certain conditions may be appropriate and quite serious.

Keywords: Utopia, futurology, philosophy of future, predicting, consumer society, society of knowledge, techno-optimism, techno-pessimism